

DOI: 10.22363/2312-8127-2022-14-2-144-157

Научная статья / Research article

«Золотой треугольник сепаратизма» – проблемы релевантного взаимодействия стран региона

С.А. Михайлов

Российский университет дружбы народов,
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
✉ wetter248@mail.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка анализа ситуации в Северо-Восточной Индии (СВИ) и всем регионе в контексте существующего и потенциального взаимодействия стран Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии по решению острой проблемы местного сепаратизма и терроризма. Автор констатирует, что даже поверхностное рассмотрение ситуации свидетельствует о весьма противоречивых подходах и действиях разных стран в данной области. Актуальность исследования заключается в изучении возможностей практического использования потенциала сотрудничества стран региона (на примерах позитивного взаимодействия Индии с некоторыми соседями) для выбора оптимальных путей решения проблемы сепаратизма и терроризма.

Ключевые слова: Северо-Восточная Индия, Южная Азия, Юго-Восточная Азия, Восточная Азия, взаимодействие и сотрудничество, противоречия и противостояние, пограничные силы безопасности, этнический сепаратизм, национализм, терроризм

История статьи: Поступила в редакцию: 26.08.2021. Принята к публикации: 16.11.2021.

Для цитирования: Михайлов С.А. «Золотой треугольник сепаратизма»: проблемы релевантного взаимодействия стран региона // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2022. Т. 14. № 2. С. 144–157. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-2-144-157>

“Golden triangle of separatism” – problems of the relevant cooperation of countries of the region

Sergey A. Mikhailov

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, Russia, 117198
✉ wetter248@mail.ru

Abstract. This article attempts to analyze the situation in North-East India (NER) and the entire region in the light of existing and potential interaction between countries of South, South East and East Asia for solving the serious problem of the local separatism and terrorism. The author

© Михайлов С.А., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

states that even a superficial glance at the situation demonstrates a very contradictory approaches and actions of the different countries in this field. The relevance of the research implies the possibilities of practical application of the potential of cooperation between countries of this region (using examples of the positive interaction between India and some of its neighbors) to choose the best ways to solve the problem of separatism and terrorism.

Keywords: North-East India, South Asia, Southeast Asia, East Asia, interaction and cooperation, contradictions and confrontations, border security operations, ethnic separatism, nationalism, terrorism

Article history: Received: 26.08.2021. Accepted: 16.11.2021

For citation: Mikhailov SA. “Golden triangle of separatism” – problems of the relevant cooperation of countries of the region. *RUDN Journal of World History*. 2022;14(2):144–157. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-2-144-157>

Введение

Северо-Восточная Индия (СВИ) – уникальный регион с точки зрения его географического положения, а именно нахождения на стыке сразу трех крупных регионов Евразии – Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии. Этот регион можно назвать «Золотым треугольником сепаратизма» (куда относятся, в частности, Индия, Китай и Бангладеш – страны с большим потенциалом). Нестабильная ситуация на границах СВИ и стран Южной Азии (Бангладеш, Бутан), Юго-Восточной Азии (Мьянма) и Восточной Азии (Китай), подогреваемая многочисленными сепаратистскими движениями, оказывает негативное влияние на геополитическую ситуацию в этом регионе в целом. Все это подтверждает и ярко иллюстрирует известную концепцию С. Хантингтона о «столкновении цивилизаций» (этнические, религиозные и иные разногласия, довольно характерные для данного пестрого региона).

Несмотря на то, что народы региона имеют тысячелетнюю историю совместного проживания и довольно высокий уровень культурного взаимодействия, зачастую взаимоотношения между ними складываются по принципу «каждый сам за себя», когда преследуются и ставятся во главу угла зачастую местечковые, порой эгоистические интересы. История местных взаимоотношений ярко демонстрирует нам, насколько трудно находить точки соприкосновения тогда, когда реальное эффективное взаимодействие способно снять напряжение и решить многочисленные проблемы, в том числе нивелировать сепаратистские настроения жителей региона. Складывается устойчивое ощущение, что ситуация здесь по-прежнему взрывоопасна и напоминает своеобразную «пороховую бочку», способную вызвать серьезный геополитический конфликт (последний крупный инцидент 2020-го года между Индией и КНР это лишь подтверждает).

Исследование проблемы

Индийский политолог Брахма Челани видит корень проблемы в том, что многочисленные радикальные сепаратистские группировки региона используются в конъюнктурных военно-политических целях Китая, Бангладеш,

а также Пакистана, не имеющего прямых границ с СВИ. По данным индийской разведки, представители пакистанской ISI (Inter-Services Intelligence) и других соответствующих служб соседей Индии продолжают поддерживать антиправительственные группировки в регионе [1].

Для подобных организаций и деятелей фундаментальные принципы борьбы с явлением, разрушающим устои государственности – «никаких переговоров с террористами» и «консолидация общих усилий» – остаются не более чем декларациями. По мнению индийских разведслужб, КНР, Пакистан и (возможно) Бангладеш осуществляют контакты с сепаратистами СВИ, и такие связи так или иначе провоцируют радикальные группировки на продолжение подрывной деятельности. Закулисное, а в некоторых случаях и прямое поощрение создает благоприятный фон для роста наркотрафика, потока оружия, нелегальных мигрантов, часто пополняющих ряды террористических движений. Все это дестабилизирует регион, включая индийский Северо-Восток, Мьянму, тем самым подрывая возможности экономической и политической стабилизации [2].

Угроза вооруженных инцидентов подрывает довольно хрупкий социально-экономический баланс, влечет за собой снижение туристической привлекательности региона, обрекая его жителей на нищету и отсутствие перспектив, пополняя тем самым ряды радикальных группировок. Разумеется, на высоком правительственном уровне ни одно из государств мира (в том числе Саудовская Аравия и Пакистан) никогда не признают поддержку террористических сепаратистских движений. Но официальные декларации мало согласуются с конкретными действиями различных (в том числе неправительственных) организаций и «компетентных служб» [3].

Современное положение дел в регионе по-прежнему остается стабильно напряженным. Пограничные конфликты происходят с завидной регулярностью. Недавний июльский взаимообмен ракетными ударами между пограничниками Индии и КНР вписывается в общую концепцию непростых взаимоотношений между соседями.

В этой связи анализ взаимоотношений Индии с Бангладеш, Мьянмой, КНР и другими странами позволяет пролить свет на проблемы поиска оптимального консолидированного регионального взаимодействия. Очевидно, что общая (в декларациях и на словах) заинтересованность зачастую разбивается на множество межгосударственных конфликтов, разногласий и противоречий, связанных с обоюдными претензиями различного характера. Тем не менее, в последнее десятилетие страны пытаются, по крайней мере, по возможности, синхронизировать борьбу с сепаратистами по обе стороны границы.

Взаимодействие Индии, НРБ и Мьянмы в борьбе с сепаратизмом

Бангладеш – непосредственный сосед Индии, и после прихода к власти в стране правительства «Авами Лиг» и Шейх Хасины Вазед (2009) страна довольно активно взаимодействовала с Нью-Дели в вопросе борьбы с терроризмом и сепаратизмом. Как жест доброй воли можно оценить выдачу Индии

лидеров радикальных группировок СВИ (ОФОА / Объединенный фронт освобождения Ассама; НССН-К / Национальный социалистический совет Нага-ленда, Кхапланг; НДФБ / Национальный демократический фронт Бодоленда и ряд других) еще в 2009–2015 годах [4].

Совместные операции пограничных сил безопасности двух стран по разгрому баз и лагерей сепаратистов как на территории НРБ (Народная республика Бангладеш), так и СВИ, заметно снизили уровень напряженности на границе. Нынешняя ситуация разительным образом отличается от той, что была еще в конце первого десятилетия XXI века. Однако все не так однозначно, как может показаться на первый взгляд.

Проблема в том, что Дакка не способна (даже с учетом желания Хасины Вазед) наладить однозначно конструктивные отношения с Дели, поскольку контролировать трафик наркотиков, оружия и нелегальной миграции, проникающим на территорию Индии, НРБ не может. Разгром же баз боевиков СВИ на территории НРБ является лишь одним из условий совместного диалога. Коррупционность чиновников и других заинтересованных лиц НРБ не поддается контролю, даже несмотря на угрозу жесткого наказания. Рэкет и преступные доходы – источник их обогащения. Следствием этого является увеличение трафика в Индию наркотиков и контрабанды с вытекающими негативными последствиями.

Взаимоотношения двух стран существенно осложнились после начала кризиса беженцев рохинджа и Ракхайнской войны (с 2017-го года) в Мьянме. Подход Нью-Дели и Дакки к ситуации с исламскими беженцами с этих территорий значительно отличается – для первых это потенциальные радикалы и террористы, нелегально пересекающие индийско-бангладешскую границу в районе СВИ. Для вторых – это пострадавшие единоверцы, бенгальцы-мусульмане, насильно вывезенные колониальными властями Англии после 1930–1940-х годов в Аракан (Бирма) [1].

Индия занимает в этом вопросе жесткую позицию и не поддерживает требования НРБ осудить геноцид против рохинджа, что вызывает, по меньшей мере, раздражение со стороны Бангладеш. Нью-Дели выражает беспокойство по поводу участвовавших случаев геноцида индуистов как в Ракхайне (Мьянма), так и на территории НРБ. Подобные явления зафиксированы индийскими экспертами и международными организациями (в частности, Amnesty International). В Мьянме проживает около 250 тысяч индусов (0,5% населения), в штате Аракан их численность оценивается примерно в 10 тысяч человек. В то же время здесь проживает 1 млн рохинджа (из 3 млн населения) [5].

В таких условиях взаимоотношения двух стран сталкиваются с целым рядом взаимных разногласий, мешая конструктивному диалогу, вне зависимости от хороших личных отношений Нарендры Моди и Хасины Вазед. Позиция НРБ, ее сил безопасности и разведки в этой ситуации остается своеобразной и неоднозначной, что в какой-то мере объясняется отсутствием прагматических экономических и инвестиционных интересов страны в Ракхайне. Защита же мусульман рохинджа – политический вопрос и личная заинтересованность для них [2].

Индийские и бирманские эксперты считают, что кампания агрессивного геноцида индустов, совершаемая в основном боевиками АСРА (Армия спасения рохинджа Аракана), ведется при негласной финансовой и моральной поддержке КНР, Пакистана и (возможно) Бангладеш. Заподозрить последних в желании подорвать региональную стабильность было бы смелым утверждением. Более понятным было бы желание минимизировать последствия укрепления двусторонних отношений Индии и Мьянмы, которые в последнее время выходят на новый этап развития [5].

В этой связи нельзя забывать про принцип «ищи, кому выгодно», который никто не отменял. Так что вполне понятен и объясним масштаб пропагандистской кампании сепаратистов АА (Армия Аракана) и АСРА, развивающих атмосферу «черного пиара» против бирманской армии, обвиняемой в геноциде рохинджа Аракана (хотя нельзя отрицать, что Нейпидо (нынешняя столица Мьянмы) порой ведет себя очень жестко) [2].

История знает множество примеров, когда малые страны являлись спусковым крючком для разжигания крупных региональных и даже мировых войн. В таких случаях подрывалась хрупкая конструкция систем мировой безопасности, нарушая политический баланс на целых континентах. Все углубляющаяся сейчас Ракхайнская война в Мьянме может быть угрозой не только непосредственно Мьянме, но и Индии с Бангладеш.

Сепаратизм в этом регионе – своеобразная система сообщающихся сосудов. Действия радикалов из АА и союзных ей группировок приносят нестабильность на границах как минимум трех стран. Радикальные организации СВИ и НРБ имеют взаимодействие с араканскими сепаратистами (в частности, АА имеет базы на территории Мизорама). Это не позволяет стабилизировать ситуацию в приграничных штатах Индии (Ассам, Манипур, Мизорам и Нагаленд) и Мьянмы (Ракхайн, Качин, Шан). Безнаказанные и кровавые действия радикалов создают серьезные препятствия для развития экономического сектора, отпугивают инвесторов, не готовых вкладывать средства в политически нестабильные регионы [2].

Казалось бы, для соседних стран пришло время объединить усилия в рамках совместной борьбы с угрозой ракхайнского сепаратизма и терроризма (включая действия мусульманских радикалов из АСРА), поскольку существует объективная общая заинтересованность в деэскалации ситуации. Однако на практике лишь Индия с Мьянмой действительно интенсифицировали пограничное сотрудничество в 2017–2020-х годах, проведя ряд военных операций, направленных на уничтожение баз сепаратистов.

Опыт прошлого показывает, что отсутствие эффективного и жесткого пограничного контроля, еще со времен получения Индией (1947) и Бирмой (1948) независимости от Великобритании, позволило расцвести пышным цветом торговле оружием, наркотиками, контрабандой, людьми и так далее. Такая ситуация вынуждала индийские силы пограничной безопасности в течение многих десятилетий совершать операции на территории Бирмы с целью уничтожения и поимки сепаратистов и террористов из Ассама, Манипура, Мизорама и Нагаленда. Безусловно, это вызывало недовольство властей в Янгоне, что ставило под удар взаимные контакты [6].

Отношения Индии и Бирмы/Мьянмы в вопросах борьбы с сепаратистами и пограничной безопасности развиваются уже более 30 лет, начиная с 1990-х годов, когда Индия в рамках политики East Policy (премьер-министры Нарасимха Рао и Атал Бихари Ваджапай) стала проводить многовекторную политику в отношении соседних государств. Первой «ласточкой» в деле объединения усилий военных стала совместная операция «Золотая птица» (Golden Bird) по разгрому лагерей боевиков СВИ в 1995 году. В августе 2000-го года в Янгоне состоялась встреча глав МИД обеих стран, в ходе которой, в частности, были подписаны соглашения, касающиеся ужесточения контроля границы. В 2004-м году в ходе визита в Нью-Дели бирманского правителя – генерала Тан Шве (1992–2011) – также было подписано релевантное соглашение, в рамках реализации которого в январе 2006-го года состоялась совместная военная операция против сепаратистов СВИ на территории Мьянмы [7].

Несмотря на все усилия и частичное снижение активности сепаратистских группировок СВИ, положение дел остается достаточно нестабильным. Нахождение на территориях Бирмы баз и лагерей сепаратистов из этого региона во многом нивелирует предпринимаемые Индией усилия по стабилизации ситуации [5].

Окончание длительной Гражданской войны в Бирме (2012) и приход к власти в Индии правительства Нарендры Моди (2014) способствовали выходу отношений двух стран на новый уровень. В 2014-м году был подписан Меморандум о взаимопонимании в сфере пограничного сотрудничества (обмен информацией о вооруженных инцидентах, торговле оружием, наркотиками, людьми и животными). С 2013-го года проводится совместное патрулирование пограничных районов, включая и контроль протяженной морской границы стран. В 2018-м году в Мегхалае были проведены совместные военные учения IMBAX (India-Myanmar Bilateral Army Exercise) [8].

Выводя отношения на новый уровень, в июле 2019-го года Дели и Нейпидо подписали еще один Меморандум о взаимопонимании в области оборонного сотрудничества. По соглашению Индия увеличивает поставки оружия, дистанционных средств контроля пограничных зон, а также направляет своих военных советников для подготовки и переобучения бирманской армии. Последний момент крайне важен для Мьянмы, поскольку после эскалации конфликта с беженцами рохинджа в 2017-м году Великобритания отказалась участвовать в переподготовке бирманских военных. Начиная с июня 2015 года две страны провели целый ряд военных операций по разгрому лагерей и баз НССН-К, ОФОА-И, АА, АСРА и других активных вооруженных сепаратистских группировок [8].

Северо-Западная Мьянма – это настоящая головная боль бирманских и индийских сил безопасности. Слабость пограничного контроля, мобильность, новейшее (как правило, китайское) оружие, транзитом поступающее через штаты Ва и Шан, использование цифровых технологий, – все это позволяет АА установить практически тотальный контроль над Ракхайном [2].

Сепаратистские группировки Мьянмы (штаты Аракан, Качин, Ва и Шан) контролируют растущий поток наркотрафика, уступающего по обороту только афганскому, который проникает в Бангладеш (через Читтагонг) и в СВИ

(Чампхай, штат Мизорам). Возможности государства контролировать его ограничены, поскольку наркомафия имеет здесь мощное лобби, а для многих жителей региона наркотрафик – единственный способ выжить [9].

Следует признать успешным сотрудничество в январе 2019-го года, когда бирманские пограничники провели операции в пограничных с СВИ районах, арестовав лидеров ОФОА-Н («Объединенный фронт освобождения Ассама – Независимый»), НАОМ («Народная армия освобождения Манипура»), НРПК («Народная революционная партия Канглейпак»), КЯКЛ («Канглей Явол Канна Луп»). Операция по захвату штаб-квартиры НССН-К в районе Сагаинг стала крупным успехом бирманских сил безопасности. Безусловно, Индия приветствует подобные решительные шаги Мьянмы, поскольку сепаратисты Нагаленда продолжают представлять серьезную угрозу безопасности в СВИ (даже несмотря на подписанное НССН-К мирное соглашение с Нью-Дели в 2015 году) [10].

Однако нельзя сказать, что отношения двух стран в данной области безоблачны. Поиск консенсуса Индии и Мьянмы в отношении сепаратизма в СВИ и Ракхайнской войны затрудняется взаимными претензиями в недостаточной бескомпромиссности по отношению к базам радикалов. В лагерях АА в индийском штате Мизорам имеют возможность скрываться боевики с территорий Мьянмы. В бирманской прессе упоминается и лагерь АА в Палетве, штат Чин, вблизи индийской границы [11].

Одна из важнейших задач двух стран в настоящее время – блокировка переходов рохинджа через индо-бирманскую границу и недопущение их взаимодействия с сепаратистами СВИ [1].

Следует отметить, что целью совместных действий двух стран является пресечение связей между общающимися сепаратистскими группировками Мьянмы («Армия Аракана», «Армия независимости Качина», «Армия спасения рохинджа Аракана») и Индии («Национальный социалистический совет Нагаленда», «Объединенный фронт освобождения Ассама», «Организация освобождения Каматапура» и другие), представляющие серьезную террористическую угрозу для региона.

Тем более удивительной является реакция на сотрудничество двух стран в оборонной и пограничной области со стороны соседей – Китая, Пакистана и Бангладеш. По мнению индийских и бирманских экспертов, соседние государства, а точнее, определенные силы в них, не заинтересованы в урегулировании проблем сепаратизма ни в СВИ, ни в регионе в целом. Звучат серьезные обвинения в адрес Пекина, Исламабада и Дакки об их желании контролировать потоки оружия, наркотиков и нелегальных мигрантов, а, значит, и извлекать из этого прибыль [5].

Проблемы взаимоотношений Индии и Китая в контексте ситуации в регионе

Противостояние двух гигантов (КНР и Индии) представляет собой серьезную опасность для региона. Участвовавшие инциденты и обострение застарелых проблем могут стать не только проблемой Южной и Восточной Азии.

Ядерный потенциал обеих стран – довольно опасный инструмент, особенно в условиях обострения противостояния. В этой связи важным является то, что решение проблем трансграничного сепаратизма и терроризма на огромном протяжении границ двух держав находится под вопросом. Идет процесс развития конфликта – достаточно вспомнить недавние (2020) пограничные столкновения в Ладакхе (Джамму и Кашмир).

Индию настораживает стремительная экономическая региональная экспансия Китая, проявляющаяся, в частности, в реализации проекта «Мьянманский коридор», что, по мнению индийских экспертов, способно обеспечить КНР доступ к бирманским портам в Бенгальском заливе с последующим выходом в Индийский океан. Такая перспектива, безусловно, расходится с интересами Индии и, судя по событиям последних месяцев, только обостряет взаимные претензии, которые доходят вплоть до военных действий, пусть и локального характера [12].

В свою очередь, в качестве противовеса Индия декларирует на территории Мьянмы и СВИ программу строительства мультимодального транзитного маршрута «Каладан» между штатом Мизорам в СВИ и бирманским портом Ситве (штат Ракхайн). И только напряженная ситуация в Ракхайне препятствует исполнению этих планов, подстегивая правительство Индии на более решительные меры противодействия сепаратистам.

В средствах массовой информации Индии сейчас активно обсуждается возможность более активного участия войск в борьбе с ракхайнскими сепаратистами, в открытую бросившими вызов Нью-Дели (что проявляется в помехах реализации его инвестиционных проектов в Мьянме, в том числе и в отношении транспортного проекта «Манипур – Мьянма – Таиланд»). Перед Индией стоит серьезная дилемма – с одной стороны, на карту поставлены серьезные экономические задачи (реализация проекта «Каладан» оценивается в 500 млн долларов) и социальные интересы СВИ, территориально затрагивающие значительный регион с многомиллионным населением. С другой стороны – Ракхайнская война, обострившаяся за последние годы до критического уровня. Договариваться с террористами «Армии Аракана» Нью-Дели не будет, эта позиция совпадает с российским подходом, диаметрально отличаясь от китайской. Таким образом, гарантом воплощения индийских проектов в Мьянме может стать ее прямое или косвенное военное вмешательство с целью подавления ракхайнского сепаратизма, поскольку деятельность местных сепаратистских группировок воспринимается Индией как вызов, бросающий тень на престиж страны [2].

Ситуация в регионе осложняется тем, что неудачи регулярных бирманских войск в борьбе с террористами связаны с негибкой и, пожалуй, бесперспективной правительственной тактикой, тогда как лагеря и базы АА как на территории СВИ, так и самой Мьянмы, чрезвычайно мобильны. Представители бирманских войск признают, что прежняя тактика борьбы с сепаратистами (окружение и последующая «зачистка» районов, занятых сепаратистами), которая способствовала окончанию Гражданской войны в стране (1948–2012), сегодня уже не работает. Возможно, необходима поддержка

международных организаций, поскольку правительственные силы не в состоянии справиться с АА и рядом других группировок. В этой связи возлагаются серьезные надежды на Индию и Россию, которые, к слову, весьма осторожно высказывали свою позицию в отношении конфликта с рохинджа (в отличие от большинства стран Запада, осудивших бирманские ВС за «неоправданную агрессию» против этого народа) [2].

Границы КНР с Индией и Бутаном до сих пор не демаркированы, что повышает взаимный конфликтотенциал. Многие в данной ситуации зависят именно от (не)конструктивной позиции Пекина, который (в отличие от Дели) порой, как утверждают источники, использует сепаратистские организации в собственных интересах. Об этом в том числе свидетельствуют и события 1960–1980-х гг. в СВИ [2].

Позиция ряда китайских экспертов в отношении последнего конфликта в Ладакхе заключается в обвинении правительства Н. Модии в сознательном провоцировании пограничных конфликтов (с Пакистаном в 2019-м году, с Китаем – в 2020-м году). Цель этих действий (по их мнению) – отвлечь внимание своих граждан от многочисленных проблем страны (кризис экономики, неоднозначные поправки к «Закону о гражданстве», тяжелая ситуация с COVID-19) [13]. Тем более что традиционный националистический настрой партии БДП, кризисы 1998–1999 года вокруг ядерных испытаний Индии и Пакистана, а затем и Каргильская война, дают основания для подобных подозрений. Тем не менее, считать такую интерпретацию объективной не представляется возможным.

Противоречий для разжигания недовольства достаточно. Исторически КНР не признает установленную еще во времена Британской Индии «линию Макмагона» и потому называет индийский штат Аруначал-Прадеш «Южным Тибетом» и не выдает китайские визы его жителям. Ситуация вокруг этой пограничной территории периодически обостряется, стороны с завидной регулярностью заявляют друг другу протесты в связи с «недружественными действиями». Для Нью-Дели же явной проблемой остается активность части сепаратистских группировок в беспокойных штатах СВИ (Манипур, Ассам и Нагаленд), переместившихся сейчас на территорию Аруначал-Прадеш [14]. Опасения Индии связаны с тем, что позиция «агрессивного непризнания» этой области со стороны Пекина может подтолкнуть к использованию местных сепаратистов уже на всей территории СВИ. Активные работы КНР в приграничных районах по строительству объектов военной, транспортной инфраструктуры в Тибете, в южнокитайской провинции Юньнань, провоцируют пограничные столкновения, опасные возможностью открытых военных действий. Индия испытывает серьезные опасения за узкий стратегический «коридор Шилигури», возможный захват которого Китаем отрезает СВИ от остальной территории Индии.

Безусловно, и у Китая существует масса претензий к руководству Индии. Пекин, в частности, недоволен реализацией военных, строительных и инфраструктурных проектов в Аруначал-Прадеш, что способно (по мнению китайцев) закрепить «оккупацию Южного Тибета». В отношении Сиккима

(укрепление «коридора Шилигури») также высказываются схожие претензии, присоединение которого к Индии в 1975 году часть китайского общества до сих пор считают «оккупацией». Ко всему прочему, КНР испытывает опасения возможного использования Индией сепаратистов СВИ, НРБ и Северо-Западной Мьянмы в ходе потенциального противостояния. Как мы видим, совокупность обоюдных претензий имеет очевидную схожесть.

Китайская пресса также не оставляет без внимания укрепляющееся сотрудничество Индии и Японии в реализации проектов развития СВИ (в частности, в Аруначал-Прадеш и Ассаме). Пекин склонен считать, что подобные проекты провоцируют дополнительную дестабилизацию региона, поскольку участие Токио в развитии «спорных территорий» свидетельствует о его деструктивной позиции в индо-китайском конфликте [15].

При этом КНР с сожалением отмечает, что Нью-Дели без всякого энтузиазма воспринял идею реализации проекта «экономического коридора» между Китаем, НРБ, Мьянмой и Индией, целью которого, по мнению Пекина, является контроль ситуации в приграничных районах. Обеспечение их транспортной и иной доступностью может способствовать решению проблем с сепаратизмом. В то же время Индия (не без оснований) полагает, что реализация подобного плана будет способствовать дальнейшей экспансии Китая в Южной Азии и его выходу к Индийскому океану [16].

Приходится констатировать, что конфликтующие стороны ведут довольно агрессивную информационную войну, обвиняя друг друга во всевозможных недружественных действиях. КНР делает упор на то, что территории СВИ были незаконно присоединены к Индии благодаря британскому вмешательству, в то время как эти территории имеют исторические «неразрывные связи» с китайской (ханьской) цивилизацией и культурой. СМИ муссируют тему об изысканиях китайских экспертов, полагающих, что этот регион заслуживает «большей независимости», чем Тибет, СУАР (Синьцзян-Уйгурский автономный регион), Тайвань и Гонконг вместе взятые. Педальруется тема дискриминации и угнетения населения СВИ со стороны остальной Индии, избиений, убийств жителей региона индийскими пограничниками, а также острой взаимной отчужденности [17].

Несомненно, возможности Китая воздействовать на СВИ и, например, крайне чувствительный для Нью-Дели бирманский Аракан гораздо более существенны, нежели потенциал Индии влиять на сепаратистов Тибета. Опасения Нью-Дели имеют большие основания, поскольку (и это признается обеими сторонами) КНР в данном случае изначально находится в более выигрышной геостратегической ситуации [18].

Отдельно следует упомянуть ситуацию с сепаратизмом на индийско-бутанской границе. Она (не в пример многим другим пограничным регионам) довольно стабильная. Об этом косвенно говорит тот факт, что последняя крупномасштабная операция пограничных сил безопасности (Indo-Tibetan Border Police, ИТВР) прошла здесь еще в 2003-м году (Операция «Полная зачистка»). Эффективное пограничное сотрудничество Индии и Бутана в значительной степени обусловлено тем, что страны являются стратегическими

союзниками и не имеют негативного опыта прошлого (как в случае Индии с Мьянмой и НРБ). В качестве примера можно привести совместную программу охраны трансграничной заповедной зоны «Манас», реализация которой направлена на сохранение уникальной местной экосистемы.

Это, однако, не означает отсутствие проблем. Сепаратистские формирования СВИ все еще создают и здесь определенную нестабильность, в частности, они занимаются массовой контрабандой уникального тибетского леса. Радикалы успешно маскируются и скрываются в гористо-лесистой местности, и выследить и обезвредить их является непростой задачей для местных пограничников. В последнее время страны существенно усилили патрулирование и дистанционный контроль над границей [19].

Еще одной существенной проблемой двусторонних отношений является трансграничное использование вод – до сих пор Нью-Дели и Тхимпху не подписали соглашение о разделе водных ресурсов. Этот вопрос очень чувствителен и представляет почву для потенциального конфликта. В качестве примера можно привести недавние события лета 2020 года, когда Бутан перекрыл ирригационные каналы на границе с Ассамом (под предлогом борьбы с распространением пандемии COVID-19), оставив фермеров из приграничных районов без воды. Многочисленные протесты в штате дали повод местным сепаратистам выступить с критикой Нью-Дели (как минимум), что, безусловно, создает атмосферу разобщенности [13].

Но все вышеуказанные проблемы однозначно меркнут по сравнению с «китайской угрозой», поскольку КНР не признает нынешние границы ни с Индией, ни с Бутаном. При этом Пекин настоятельно советует индийцам не вмешиваться в процесс демаркации китайско-бутанской границы (хотя еще по Договору 1949 года Нью-Дели отвечает за сохранение суверенитета Бутана). Конфликт длится десятилетия, и позиции сторон представляются непримиримыми. КНР добивается передачи под ее контроль западной части существующей границы (включая стратегическое плато Доклам и долину Чумби) в обмен на спорный участок северной границы. Тхимпху, в свою очередь, предъявляет права на эти территории – как неотъемлемой части страны (равно как и заповедник дикой природы Сакатенг, расположенный на северо-востоке страны на границе с Аруначал-Прадеш) [20].

При этом Индия не может выступить в качестве «третейского судьи», поскольку преследует собственные геостратегические цели. В случае противостояния Бутана и Китая Пекин может получить прямой выход к стратегическому «коридору Шилигури», а, значит, и возможность оказывать еще большее давление на СВИ и поддержку местным сепаратистам. Считавшийся ранее относительно спокойным (во всяком случае, по сравнению с западным – Кашмиром и Ладакхом) восточный участок «Линии фактического контроля» (Line of Actual Control, LAC) стал точкой конфликта в связи с укреплением Китаем, Индией и Бутаном приграничных участков и строительством дорог на спорной территории. Тогда дистанция пограничников трех стран опасно сократилась до минимума, тем самым спровоцировав летом 2017 года пограничный конфликт вокруг Доклама, едва не

поставивший двух азиатских гигантов на грань полномасштабной (а, значит, с большой вероятностью – ядерной) войны.

Заключение

Подводя итоги, следует сказать, что геополитические проблемы региона (в том числе связанные с сепаратизмом и терроризмом) достаточно серьезны и требуют незамедлительных стратегических решений и доброй воли, политической мудрости, дипломатических усилий. Позиция «ни мира, ни войны» не может стать основой для построения стабильных добрососедских отношений, позволяющих стабильно развиваться политически, экономически, культурно. Следовательно, для стран региона важно обеспечить как двусторонние, так и многосторонние, коллективные гарантии сохранения мира. Сепаратизм – общая проблема, и в противостоянии ей никто не должен оставаться в стороне. Как показывает практика, зачастую сепаратисты (в том числе и данного региона) гораздо более договороспособны и консолидированы, нежели государственные деятели. Это, безусловно, представляет серьезную опасность для региональной безопасности (в целом) и для единства отдельных государств (в частности). Самым важным в этой связи представляется постепенный приход двух ключевых центров (Нью-Дели и Пекина) к схожим, совместимым позициям в отношении сепаратизма. Если это когда-нибудь будет достигнуто, то подобная синергия не должна оставить радикалам СВИ, Мьянмы, Бангладеш и самого Китая надежды на сохранение даже небольшой возможности своей разрушительной деятельности.

Библиографический список

1. Sharanarathi nahin, avoudh pravasi hen rohingya (Brahma Chelani, Bhupendra Singh) // Dainik Jagran. 2017 Oct 6.
2. «Армия Аракана»: как сепаратисты из Мьянмы развязали войну на фоне древних пагод // Федеральное агентство новостей. 2020, 29 июня.
3. Андрей Серенко. Пакистанские спецслужбы пытаются руками джихадистов взорвать Кашмир // Независимая газета. 2020, 7 мая.
4. Rajiv Bhattacharya. Why has China given shelter to a rebel leader from India's Northeast? // The Diplomat. 2020, Feb 26.
5. Bharat – Myanmar sambandhon ke khilav sajish ka hissa tha hinduon ki samuhik hatya (Brahmadip Alunay, Kamal Verma) // Dainik Jagran. 2018 June 16.
6. Tarote – Indiy tainmarmhu kyark Myanmar (Saw Thandar Aye) // Burma News International. 2020 June 3.
7. Rumki Basu. International politics: concepts, theories and issues // SAGE Texts. 2019 Jan 1.
8. Bharat – Myanmar raksha niti: sahayog ko mazbuti (Paras Ral) // East Asia Research Programme (EARP). 2020 March 18.
9. Indiy ashaemyawatpinesai Myanmarnhang bhain g lardaeshkyarr muyait mhawinhko lamkyauing hpyitlar // Myanmar Now. 2019 May 3.
10. Myanmar hands over 22 militants of Northeast armed groups in first such move // The Wire. 2020 May 15.

11. Indiy-Myanmar nalhkyarr myainpaww ninenganray kyar kwat myar (Ye Ni) // *Burma Irrawaddy*. 2019 June 18.
12. Лебедева Н.Б. Китайские инициативы ЭПШП и МШП и индийские проекты Mausam, Spice Road, Sagar Mala и Cotton Routes // ЮВА: актуальные проблемы развития. М., 2015. № 26. С. 26–57. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskie-initsiativy-epspp-i-mshp-vs-indiyskie-proekty-mausam-spice-road-sagar-mala-i-cotton-routes/viewer> (дата обращения: 20.07.2020).
13. Bhutan “cut off” irrigation channels near a border with India, Assam has deprived of water // *Yidiansixun*. 2020 June 28.
14. Ministry of Home Affairs (India). URL: <https://mha.gov.in/sites/default/files/Insurgency> (дата обращения: 20.06.2020).
15. *Fen Libin, Tai Zhong*. Tendency for building of infrastructure in NER and its influence on Chinese peripheral security // *Aisixiang*. 2019 Aug 13.
16. Зеленкова М.С. Мьянмано-китайские отношения на современном этапе // Проблемы национальной стратегии (РИСИ). 2019. № 1 (52). С. 123–136. URL: <https://riss.ru/journal/52/> (дата обращения: 01.08.2020).
17. NER dwellers have been discriminating for 70 years, this is the most separatist region in India // *Global View*. 2017 July 18.
18. Володин А.Г. Индия в мире регионализации // *Контур*ы глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10. № 4. С. 178–191. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-4-178-191>
19. *Umika Chanana, Anwesha Dutta*. Conflict, conservation, and cooperation across the India-Bhutan border // *Political Geography*. 2020 June 22.
20. Chin ne Bhutan ke sath sima vivad sulajhane ke lie package ka prastav rakha, Bharat ke lie pouda ho sakti he mushkil // *Dainik Bhaskar*. 2020 July 22.

References

1. Brahma Chelani. Rohingyas are not refugees, they are illegal immigrants. *Dainik Jagran*. 2017. Oct 6. (In Hindi).
2. “Armiya Arakana”: kak separatisty iz M`yanmy razvyazali vojnu na fone drevnih pagod. *Federal`noe agentstvo novostej*. 2020, June 29.
3. Andrej Serenko. Pakistanskije spetsluzhby pytayutsya rukami dzhihadistov vzorvat` Kashmir. *Nezavisimaya gazeta*. 2020, May 7.
4. Rajiv Bhattacharya. Why has China given shelter to a rebel leader from India`s Northeast? *The Diplomat*. 2020, Feb 26.
5. Brahmadi Alunay. Mass killings of hindus are aimed against strengthening of relations between India and Myanmar. *Dainik Jagran*. 2018 June 16. (In Hindi).
6. Pila Tandar Ay. Burma is on the line of tensions between China and India. *Burma News International*. 2020 June 3. (In Burmese).
7. Rumki Basu. International politics: concepts, theories and issues. *SAGE Texts*. 2019 Jan 1. (In Hindi).
8. Paras Ral. Indo-Myanmar defence policy: strengthening of cooperation. *East Asia Research Programme (EARP)*. 2020 March 18. (In Hindi).
9. NER has become a drug-trafficking route between Myanmar and Bangladesh. *Myanmar Now*. 2019 May 3. (In Burmese).
10. Myanmar hands over 22 militants of Northeast armed groups in first such move. *The Wire*. 2020 May 15.
11. Ye Ni. NER separatists on Indo-Burmese border. *Burma Irrawaddy*. 2019 June 18. (In Burmese).

12. Lebedeva NB. Kitajskie iniciativy EPSHP i MSHP i indijskie proekty Mausam, Spice Road, Sagar Mala i Cotton Routes. *YuVA: aktual'nye problemy razvitiya*. 2015;(26):26–57. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitajskie-initsiativy-epsHP-i-mshp-vs-indijskie-proekty-mausam-spice-road-sagar-mala-i-cotton-routes/viewer> [Accessed: 20.07.2020]. (In Russ).
13. Bhutan “cut off” irrigation channels near a border with India, Assam has deprived of water. *Yidianzixun*. 2020 June 28. (In Chinese).
14. Ministry of Home Affairs (India). Available from: <https://mha.gov.in/sites/default/files/Insurgency> [Accessed: 20.07.2020]. (In Hindi).
15. Fen Libin, Tai Jhong. Tendency for building of infrastructure in NER and its influence on Chinese peripheral security. *Aisixiang*. 2019 Aug 13. (In Chinese).
16. Zelenkova MS. M'yanmano-kitajskie otnosheniya na sovremennom etape. *Problemy nacional'noj strategii (RISI)*. 2019;1(52):123–136. Available from: <https://riss.ru/journal/52/> [Accessed 01.08.2020]. (In Russ).
17. NER dwellers have been discriminating for 70 years, this is the most separatist region in India. *Global View*. 2017 July 18. (In Chinese).
18. Volodin AG. Indiya v mire regionalizacii. *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo*. 2017;10(4):178–191. (In Russ). <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-4-178-191>
19. Umika Chanana, Anwasha Dutta. Conflict, conservation, and cooperation across the India-Bhutan border. *Political Geography*. 2020 June 22.
20. China proposes new package of measures for solving border disputes with Bhutan, India cannot accept it. *Dainik Bhaskar*. 2020 July 22. (In Hindi).

Информация о авторе:

Михайлов Сергей Александрович – аспирант кафедры всеобщей истории, Российский университет дружбы народов, e-mail: wetter248@mail.ru

Information about the author:

Mikhailov Sergey Aleksandrovich – postgraduate student of the Department of the World history, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), e-mail: wetter248@mail.ru